

Тан Юйхуэй понимал: раз уж он здесь надолго, нужно поскорее познакомиться с персоналом гостевого дома. К тому же, люди в этом месте казались ему надёжными. Тот парень с прохладным голосом, перед тем как повесить трубку, ещё и спросил, есть ли у него тёплая одежда, и, получив отрицательный ответ, велел ждать в здании аэропорта. Но Тан Юйхуэю не хотелось возвращаться в замкнутое пространство. Хотя разрежённый воздух вызывал у него головокружение, он всё же предпочёл стоять у обочины асфальтированной дороги, залитой ничем не экранируемым ультрафиолетом высокогорья.

Пространство перед аэропортом опустело: таксист, который хотел его подвезти, уже уехал, но водитель грузовика, с которым тот общался, вышел из машины и медленно направился к Тан Юйхуэю. Когда водитель остановился перед ним, Тан Юйхуэй с некоторым напряжением посмотрел на него. Он немного робел, но сильного страха не было — всё-таки это был аэропорт, да ещё и днём. Но что важнее, какая-то часть его существа отказывалась реагировать на внешний мир: Тан Юйхуэй не хотел ни двигаться, ни разговаривать. Однако этот тибетский водитель с кожей, загоревшей до багрового цвета, казалось, не имел никаких других намерений. Увидев его напряжённый вид, он с несколько простодушной доброжелательностью улыбнулся и на ломаном сычуаньском диалекте задал какой-то вопрос. Тан Юйхуэй ничего не понял и растерянно посмотрел на него. На лице водителя отразилось недоумение. Он снова, с трудом замедляя речь, протяжно произнёс:

— Ма-ль-чик, ты а-дин гу-лять плы-ехал, да? Длу-зей ждёшь, а?

На этот раз Тан Юйхуэй разобрал. Помолчав, он сказал:

— Нет, жду того, кто меня встретит, — подумав, не удержался и добавил: — Я уже не мальчик, учусь в аспирантуре.

Водитель промычал: «О-о», кажется, не совсем уловив смысл. Он было открыл рот, словно хотел что-то сказать, но его скудный запас китайских слов, похоже, иссяк.

Тан Юйхуэй немного поколебался и сам завязал разговор:

— Уважаемый, скажите, пожалуйста, сколько обычно берут за поездку до посёлка Синьдучяо?

Вероятно, упоминание оплаты и названия мест он слышал слишком часто, поэтому эту фразу водитель понял быстро:

— Двести.

Сказав это, он, боясь, что Тан Юйхуэй не поймёт, ещё и показал два пальца.

«Ну ладно, — подумал Тан Юйхуэй. — Эх».

Когда Кан Чжэ подъехал к аэропорту на мотоцикле, он сразу заметил парня в серой куртке, стоявшего у обочины дороги перед аэропортом. Тот не додумался укрыться от солнца и стоял столбом, подвергаясь дезинфекции мощным ультрафиолетовым излучением. Он не отреагировал на громкий рёв двигателя мотоцикла, а задрал голову и застыв, сосредоточенно разглядывал далёкую гору. Кан Чжэ проследил за его взглядом, но ничего особенного не увидел. «На что он уставился? На птиц, на гору или на облака?» — подумал Кан Чжэ и повернулся обратно. Знакомый пейзаж не вызывал у него любопытства. Он быстро подошёл к парню и, намеренно придав голосу оттенок обоснованного сомнения, спросил:

— Здравствуйте. Вы Тан Юйхуэй?

Затем он увидел, как парень, медленно повернув голову, широко раскрыл глаза и посмотрел на него, а потом молча застыл без движения. «Ошибся? Да не может быть». Кан Чжэ нахмурился и подошёл ближе. Первое, что бросилось ему в глаза, — белизна кожи этого мужчины. И лишь потом Кан Чжэ заметил, что выражение его лица было не слишком дружелюбным: в блестящих глазах вспыхивало нетерпеливое недовольство и гнев. Он присмотрелся — кажется, это было направлено именно на него. В голове Кан Чжэ появился большой знак вопроса.

Тан Юйхуэй чувствовал себя очень странно. Приехавший его встречать парень был невероятно красив — из тех, кто с первого взгляда лишает дара речи, — но тибетские черты лица выдавали его происхождение. Он очень хорошо говорил на путунхуа, без малейшего сычуаньского акцента. Однако, если бы Тан Юйхуэй сначала не услышал его голос по телефону, он ни за что не поверил бы, что обладатель такого низкого тембра может иметь такое чистое, почти юное лицо.

У парня была высокая переносица, густые брови и ресницы, глубоко посаженные глаза. Чёткие, словно выточенные, черты лица не придавали ему взрослой степенности. Радужка его глаз была довольно светлой и подёрнута лёгкой дымкой; склеры — почти младенчески-голубые, но во взгляде ни тени сочувствия — это были холодные, как вода, глаза. Кожа у парня была обычного для высокогорья смуглого оттенка, но не обветренная и не сожжённая солнцем — здоровый, красивый загар на крепком теле. Однако, к его величайшему изумлению, когда парень улыбнулся, его улыбка оказалась невероятно лучезарной, а крошечные клыки, которые называют тигриными, нежно прижались к нижней губе.

Но Тан Юйхуэю всё равно было до чёртиков непонятно: разве этот человек не мог точно определить, что он и есть тот самый гость, которого нужно встретить? В аэропорту ведь больше никого не было. Зачем тогда так уверенно спрашивать? Такая манера говорить вызвала у Тан Юйхуэя лёгкий дискомфорт, ему подсознательно хотелось избежать этой продуманной двусмысленности. Но это было не самое главное. Тан Юйхуэй чувствовал, что начинает злиться: люди из гостевого дома надувают собственного гостя, причём так откровенно! Они что, держат его за дурака? Поехал бы на такси — не стал бы так долго и глупо ждать в аэропорту. Почему местные люди, положив руку на сердце, не учитывают временные затраты? Ладно скидку не сделали, так ещё и, пользуясь случаем, заломили цену! Как этому человеку хватило совести содрать с него лишнюю сотню? Если это ещё можно списать на то, что он здесь чужой и ничего не знает, и это простительно, то не стоит придирается. Но увидев припаркованный у обочины мотоцикл, Тан Юйхуэй лишился дара речи. Парень ловко подхватил его чемодан одной рукой, прочно установил на багажник мотоцикла, привязал чем-то вроде альпинистской стропы, затем длинной ногой перемахнул через сиденье и отвязал от

передней части мотоцикла запасной шлем и протянул его Тан Юйхуэю. Тот недоверчиво произнёс:

— Ты серьёзно на этом за мной приехал?

— М? — Вероятно, надетый шлем заглушил звук — парень, казалось, не расслышал. Помолчав, он беззаботно усмехнулся: — У тебя горная болезнь, да? На свежем ветерке станет легче.

«Правда, что ли? Наверное, обманывает», — мрачно подумал Тан Юйхуэй. Честно говоря, ему уже хотелось купить билет на самолёт обратно в Пекин. Он больше не хотел смотреть на облака и подниматься в горы. Снежные вершины и луга в документальных фильмах, пожалуй, выглядели куда дружелюбнее. Внезапно Тан Юйхуэю сунули в руки какой-то объёмный свёрток. Он вздрогнул и, опустив взгляд, увидел чёрный пуховик.

— Ты ведь не взял тёплой одежды? Ветер сильный, надень — не замёрзнешь. — Парень уже завёл мотоцикл, и рёв двигателя заглушал его слова.

«Что ж, сам ведь попросил меня встретить». Тан Юйхуэй немного посомневался, затем натянул пуховик и медленно уселся на заднее сиденье мотоцикла. Едва он сел, мотоцикл с рёвом рванул с места. Тан Юйхуэй едва не вскрикнул, но к счастью, сдержался. По инерции его тело резко дёрнуло вперёд, и он врезался в спину парня, твёрдую, как камень. Тан Юйхуэй почувствовал лёгкую боль в плече и щеке, но парень даже не шелохнулся. Да и ветер был таким сильным, что слов всё равно не разобрать. Тан Юйхуэй невнятно пробормотал извинение, которое, кажется, и сам не услышал.

Мотоцикл ехал очень быстро. На горном серпантине было много поворотов, но парень всё равно обогнал несколько легковых машин. Тан Юйхуэю мотало из стороны в сторону, и ему пришлось обхватить парня за талию. Тошнота накатила с новой силой. Мимо то и дело мелькали медленно вышагивающие по шоссе коровы. Сначала он вздрагивал от испуга, но, насмотревшись на бескрайние тёмно-зелёные пастбища, усеянные фигурками коров и овец, которые неспешно перемещались с места на место, через некоторое время перестал их замечать. Из-за высокой скорости мотоцикла и громкого шума Тан Юйхуэю казалось, будто он плывёт на быстроходном катере под морем облаков. Скорость превращала дорогу в речной поток, ветер — в брызги волн, а облака — в струящуюся рябь. Яркое солнце лило лучи сквозь стеклянное небо и ничуть не грело.

То, что свежий ветер лечит горную болезнь, было явной выдумкой этого парня. Хотя бодрящие порывы сильного ветра и позволили на время забыть о телесном недомогании, к тому моменту, как они слезли с мотоцикла, Тан Юйхуэю показалось, что голова разболелась ещё сильнее, и было так тяжело, будто нечем дышать. Мотоциклист взглянул на него, кажется, не выказав особого раскаяния. Он провёл гостя к небольшому деревянному столику на ресепшене, зарегистрировал, налил стакан воды и протянул белую таблетку.

Тан Юйхуэй нахмурился:

— Что это?

— Родиола розовая, — парень сунул таблетку ему в ладонь. — Не волнуйся. Горная болезнь пугает, но на молодых людей влияет не так уж сильно, просто доставляет временный дискомфорт. Если после приёма не станет лучше, я отвезу тебя в больницу на кислород.

«Раз уж ты знаешь, что мне нехорошо, — подумал Тан Юйхуэй, — не мог бы ты ехать на мотоцикле помедленнее или вообще приехать на машине?» Он заметил, что во дворе припарковано несколько легковых автомобилей и один микроавтобус с местными номерами. Оба парня молчали. Тан Юйхуэй ничего не говорил, потому что ему было слишком плохо, а парень просто молча стоял, и через некоторое время вдруг улыбнулся:

— Ты ведь собираешься прожить здесь больше месяца? Может, стоит подумать о покупке билета обратно, раз тебе так плохо в первый же день?

Тан Юйхуэй на мгновение опешил и ничего не ответил. На секунду ему почудилась какая-то злонамеренность. Два этих вопроса прозвучали немного напористо, но при этом парень улыбался так чисто и свежо, словно искренне беспокоился о здоровье гостя. Однако Тан Юйхуэй всегда был чувствителен и понимал, что тот — лишь равнодушный наблюдатель. Эта солнечная улыбка на лице парня сбивала его с толку. «Ты же местный работник? — подумал он. — Если по твоей инициативе сорвётся заказ на целый месяц, разве хозяин не заругает тебя до смерти?»

— Не нужно. Немного отдохну, и всё пройдёт. Если не трудно, не могли бы вы сначала проводить меня в мой номер? — сказал Тан Юйхуэй.

Улыбка исчезла. Парень молча подошёл, одной рукой подхватил чемодан Тан Юйхуэя, провёл его к деревянной лестнице, затем поднялся на второй этаж и остановился перед угловой комнатой. В те редкие мгновения, когда головная боль отступала, Тан Юйхуэй разглядывал этот гостевой дом. Приходилось признать, что Кэ Нин действительно отнёсся к выбору серьёзно, а не ткнул пальцем в первое попавшееся место.

Для гостиницы место было очень приятное. В центре располагался большой сад, а сбоку, на небольшом участке, была устроена виноградная беседка, совершенно не в западно-сычуаньском стиле. Молодые побеги лозы, едва покрывшиеся нежными листьями, оплетали изгородь, создавая причудливый островок свежести среди сурового пейзажа.

В каждой комнате на втором этаже был небольшой балкончик. Обстановка в номерах была простой, а сами комнаты чистыми. В мансарде над кроватью располагалось наклонное окно. Комната была наполнена сухим, насыщенным запахом дерева, а распахнув окно, можно было увидеть далёкое синее небо и белые облака, обвивающие горы. Настроение Тан Юйхуэя немного улучшилось, когда, открыв окно, он ощутил дуновение свежего ветра. Он достал кошелек, чтобы заплатить парню за трансфер.

— Не надо, — сказал тот, безразлично улыбнувшись Тан Юйхуэю, — я не могу обижать

человека, страдающего горной болезнью.

Тан Юйхуэй хотел настоять, но парень уже направлялся к выходу:

— Если плохо себя чувствуешь, отдохни получше. Ты ведь здесь надолго. Раз никуда не торопишься, можно отдохнуть как следует.

Сказав это, он поставил чемодан, повернулся и вышел, но, прикрывая за собой дверь, вдруг остановился, будто вспомнив что-то важное, и снова распахнул её:

— Забыл сказать: меня зовут Кан Чжэ. Этот гостевой дом держат мои родители, но в последнее время гостей мало, так что они обычно сюда не приезжают. Я здесь бываю нечасто, но раз ты остановился тут надолго, они попросили меня присмотреть. Если что, можешь звонить мне, только не на тот номер, на который ты звонил сегодня... — Кан Чжэ запнулся, затем, словно смирившись, с досадой вернулся в комнату: — Ладно, давай лучше добавим друг друга в WeChat. Если что-то будет непонятно — спрашивай. Если я долго не отвечаю — звони.

Пока Тан Юйхуэй стоял ошарашенный, Кан Чжэ уже достал телефон и открыл страницу с QR-кодом:

— Сканируй.

Тан Юйхуэй промычал: «О-о-о», машинально достал свой телефон, отсканировал код и в поле запроса ввёл своё имя. Раздался короткий «дзинь» — запрос на добавление в друзья был принят. Кан Чжэ, казалось, наконец-то выполнил задачу и с облегчением вздохнул. Он небрежно бросил:

— Отдыхай пока. Если что — обращайся.

Дверь окончательно закрылась.

Пережив дорожную тряску, Тан Юйхуэй ощутил подступающую дремоту, но лечь спать не хотел. Он взял в руки телефон и, скучая, некоторое время безучастно смотрел на экран. Аватарка нового контакта была размытой. Если присмотреться, похоже на овцу. Это что, бараний зад? Совершенно неприлично. Зато имя отлично бодрило: Маленький принц Кхама. Тан Юйхуэй замер, непонятно отчего сокрушаясь, и захотел изменить имя контакта. Только он забыл спросить, какой это был иероглиф «чжэ». Это редкий иероглиф для имени, было трудно угадать. Покопавшись в вариантах, он ввёл «Кан Чжэ» (坎), но сразу усомнился [1].

[1] Этот иероглиф используется в имени Кан Чжэ 坎 (zhě) — краснозём, умбра, красная охра. Тут самое время заглянуть в аннотацию и найти в ней ещё один смысл :)

А так решил записать его имя Тан Юйхуэй 坦 (zhě) — германий.

Его обсессивно-компульсивное расстройство дало о себе знать. Он какое-то время сверлил глазами экран, а затем вернул простое и немного инфантильно-пафосное «Маленький принц». Ладно, оно слишком бросается в глаза, не перепутать. Странно: как только он изменил имя контакта, его накрыла усталость от головной боли. Тан Юйхуэй не собирался спать, но сонливость вдруг нахлынула неодолимой волной, сдвигающей горы и опрокидывающей моря. Не в силах больше держаться, он рухнул на белую мягкую кровать, медленно погружаясь в свой первый сон на этой далёкой земле. Перед тем как уснуть, последней мыслью Тан Юйхуэя было: «Вот так просто заснуть на кровати? За последние два часа я, кажется, ни разу не вспомнил о своей печали».

Автору есть что сказать:

Голубоватый оттенок склер может быть признаком дефицита железа, это нормальное явление, не очень здоровое, но выглядит красиво. У младенцев склеры тоньше, поэтому просвечивает пигмент, создавая голубой оттенок.

Переводчику снова есть что сказать. Кам, также встречается написание Кхам (тиб. ཁམ་ཁམ་; [kʰâm]; Вайли: khams; упрощённый китайский: 康巴; пиньинь: kāng bā) — юго-восточная из трёх исторических областей Тибета, наряду с У-Цангом (включая Нгари) и Амдо. Кхам — часть Тибетского государства в тех границах, на которых настаивает тибетское правительство. Это огромный нагорный регион, «страна четырёх рек и шести горных кряжей», населённый 14 народами, говорящими на разных языках. Основное население составляют тибетцы, говорящие на кхамском языке. Помимо буддизма в регионе сохраняются традиционные тибетские верования.

Я решила взять вариант названия Кхам, чтобы не было ассоциаций с нашей рекой Камой :)

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130161>